

Почему я не большевикъ.

(Чистосердечное признаніе).

I

Въ историческомъ процессѣ борьбы съ деспотизмомъ за волю и землю для народа, борьбы за самодержавіе народа—роль нашей интеллигенціи громадная.

Громадны и неоцѣнимы заслуги ея въ этой области. Думаю, что доказывать это, значить стучаться въ открытую дверь. Тѣмъ удивительнѣе и непонятнѣе кажется отходъ, выпадъ изъ современнаго историческаго момента революціи интеллигента, съ испокону вѣковъ стоявшаго въ авангардѣ боевыхъ силъ социализма.

Почему? Какъ это случилось? Можно-ли допустить, что русская интеллигенція въ своемъ громадномъ большинствѣ, будучи по существу „буржуазной“ за весь прожитой періодъ борьбы носила лишь „маску социализма“, а нынѣ, когда наступилъ желанный моментъ *диктатуры пролетаріата*, испугалась, отвернулась отъ пролетаріата, стала поперекъ дороги социализму и превратилась изъ прежнихъ друзей во „враговъ народа“.

Случилось нѣчто, напоминающее одну изъ „Метаморфозъ Овидія“. Но вѣдь исторія не знаетъ сказокъ. Сказка—плодъ фантазіи. Ужъ одно это соображеніе должно бы рождать сомнѣніе въ правильности приговора надъ огромной исторической категоріей нашего революціоннаго процесса. Въ партійной борьбѣ, въ вихрѣ политическихъ страстей, въ необходимости владѣть толпой, массами—не найдешь научной истины и исторической правды. И недаромъ кто-то изъ нашихъ историковъ называлъ политику „грязнымъ дѣломъ“. Въ ней никогда не найдешь объективнаго отношенія къ фактамъ, событіямъ и лицамъ. Особенно къ лицамъ, ибо около выдвинутыхъ моментомъ партійныхъ лицъ всегда—самый запутанный клубокъ страстей, преувеличеній то въ одну, то въ другую сторону. Поэтому и разобраться въ исторической правдѣ легче человѣку, стоящему внѣ партій...

Вотъ эти именно соображенія и руководили мной, когда я рѣшилъ, что для небольшой экскурсіи въ эту область мнѣ лучше всего взять самого себя. Я—писатель-социалистъ, но политикой давно уже занимаюсь только на бумагѣ, ни въ одной изъ партій, борющихся между собой нынѣ, не состою,

партійной дисциплиной, мѣшающей часто говорить всю правду до конца, не связанъ. Ничто мнѣ не препятствуетъ видѣть издали „правду“ и „неправду“ каждой партіи, а потому и говорить о нихъ откровенно. Для людей, которые хорошо знаютъ меня, какъ писателя беллетриста и публициста, не надо доказывать, что я—не „буржуй“. Для читателей изъ крестьянъ и рабочихъ, повиллому, это не лишнее. Послѣ извѣстнаго инцидента съ писателемъ Серафимовичемъ и его „Капли“, куда онъ посадилъ меня со всѣмъ сомномъ русской литературы, „бывшіе поклонники“ мои изъ среды „товарищей“, ничто же сумняшеся, сопричислили меня къ лику „буржуевъ“ и „враговъ народа“, что, нынѣ, дѣлается съ меньшей легкостью сердца, чѣмъ занесеніе въ Синодикъ именъ „убиенныхъ“ Иваномъ Грознымъ. Такъ вотъ сперва: „Буржуй“ я или не „буржуй“?

II

Карль Марксъ—самый подлинный социалистъ, интернационалистъ и коммунистъ. Однако онъ не былъ ни рабочимъ, ни крестьяниномъ, ни солдатомъ. Стало быть, не все еще и для меня потеряно. Карль Марксъ былъ писателемъ, представителемъ умственного труда. На его примѣрѣ „товарищи“ могутъ наглядно видѣть, что можно не заниматься физическимъ трудомъ и все-таки быть не „буржуемъ“. Само собою разумѣется, что не всѣ писатели—Марксы, но не въ этомъ дѣло. Серафимовичъ тоже не Марксъ. Но вотъ что у всѣхъ насъ одинаково: и Марксу, и Серафимовичу, и мнѣ одинаково необходимо—бумага, перо, чернила (можно теперь замѣнить ихъ пишущей машинкой!) и правду говорить на народѣ. Безъ такого права не было бы не только Серафимовича, но и самого Маркса. Что бы честно исполнять свою писательскую обязанность, необходимо дать намъ всѣмъ право говорить то, что мы думаемъ. Безъ свободнаго слова нѣтъ писателя. Есть болтунъ, прихвостень, балагуръ, или косноязычный, полунѣмой. Поэтому когда одни писатели затыкаютъ ротъ другимъ писателямъ или, не затыкая самолично, приеютъ сіе затыканіе молчаливо, то для меня лично такой „товарищъ“, хотя бы онъ именовался архикоммуни-

стомъ,—непріемлемъ. На такой позиціи стоитъ и самъ интернаціональный социализмъ (см. Каутскаго, см. постановленіе Международнаго Лондонскаго конгресса въ 1896 г.). Вотъ именно эта позиція и побудила товарищей Серафимовича по литературѣ отринуть отъ него, а вовсе не его участіе въ той или иной партійной газетѣ. Объ этой „правдѣ“ г. Серафимовичъ умолчалъ въ своей „Каплѣ“, а предпочелъ прочитать съ нашихъ душахъ и изложить результаты своей экскурсіи съ намеками на нашу „буржуазность“ и какіе-то испуги за свое „буржуазное благоденствіе“. Въ результатѣ я сталъ получать „товарищескія обличенія“. Мнѣ пишутъ въ такомъ духѣ: раньше мы считали васъ своимъ, но послѣ исторіи съ Серафимовичемъ убѣдились, что вы, писатель, пошли въ прислужники къ буржуазіи и стоите противъ народа и т. д. Однимъ словомъ—горькое разочарованіе. Писалъ тридцать лѣтъ и три года, а тутъ написалъ г. Серафимовичъ свою „Каплю“ и капнулъ на мою писательскую фізіономію. Положилъ кляксу. Меня и раскусили!

Давайте условимся, кого мы будемъ называть буржуемъ и врагомъ народа. Иначе будемъ путаться и впредь. По моему буржуй тотъ, кто сидитъ и ѣдетъ на чужой спинѣ, кто эксплуатируетъ трудящагося, кто живетъ т. н. „прибавочной стоимостью“. Когда я ѣздилъ на вашей спинѣ, „товарищи“? Издателемъ я никогда не былъ, даже и пайщикомъ въ Горьковскомъ „Знаніи“ не состоялъ, книжнаго магазина или склада тоже не имѣлъ, вообще книгами не торговалъ. Я всю жизнь жилъ своимъ трудомъ, какъ и вы, всѣ, по условіямъ государственнаго хозяйства, я какъ и вы, былъ вынужденъ продавать продуктъ своего умственнаго труда предпринимателямъ, издателямъ. Съ книги, стоящей, примѣрно, рубль я получалъ двугривенный, а любой хозяинъ книжной лавки—25—30 коп.! Правда, по сравненію съ Серафимовичемъ я принадлежу къ писателямъ „привилегированнымъ“. Мнѣ больше платили издатели. Но въдѣ и вы, товарищи, оцѣнивались предпринимателями по разному. И у васъ масте, а въ дѣлѣ по разному оцѣниваются. Не отвергаю, что г. Серафимовичъ могъ считать это несправедливымъ, цѣнить свой талантъ и свои произведенія выше моихъ, но... уву, товарищи, здѣсь мы невольны и, при буржуазномъ хозяйствѣ, какъ и вы подчинены законамъ книжнаго рынка, спроса читателей и т. д. Теперь о благополучіи. Писательское благополучіе вообще въ Россіи вещь относительная. Что-то не слышать о писателяхъ, оставившихъ послѣ своей смерти накопленныхъ капиталовъ. Загляните въ „литературный фондъ“, въ біографіи нашихъ большихъ писателей,

просмотрите въ редакціяхъ и конторахъ газетъ, журналовъ и книгоиздательствъ книги авансовъ. Надѣюсь, что вы получите тогда правильное представленіе о русскомъ писательскомъ благополучіи. Да и гонится ли за нимъ русскій честный писатель? Вонъ Горькому кто-то бросилъ упрекъ въ томъ, что онъ имѣетъ виллу! Горькій отвѣтилъ, что хотя виллы у него нѣтъ, но если бы и была, грѣхомъ онъ сего не считалъ бы! Каюсь, грѣшенъ: издавна имѣлъ пристрастіе къ постройкѣ дачъ. Однажды написалъ большую вещь и выстроилъ дачу близъ Волги. Стоила мнѣ тысячи три, а продалъ за 600 р. на дрова! Выгодное дѣльце! Теперь имѣю дачу въ Финляндіи, гдѣ скрывался отъ столичной сутолоки, что бы писать въ уединеніи, а лѣтомъ подышать въ волю. Можетъ быть, достаточно для зачисленія въ буржуи? Но въдѣ эта дача не только не даетъ мнѣ никакой прибавочной стоимости, но она меня эксплуатируетъ! Конечно, это нѣкоторая уже роскошь. При нашей бѣдности да такія нѣжности! Согласенъ. Но не мало ли все-таки этого, что бы попасть въ „Каплю“ Серафимовича? Въдѣ вотъ онъ туда не зачислилъ своихъ сотоварищей г. Бончъ-Бруевича, г. Демьяна Бѣднаго и нѣкоторыхъ другихъ, а между тѣмъ я охотно бы смѣнялся съ дачей г. Бончъ-Бруевича, построенной имъ въ той же Нейволѣ, гдѣ имѣемъ дачи мы съ Демьяномъ Бѣднымъ! Почему—они дачевладѣльцы и все-таки пролетаріи, а я—буржуй? Наконецъ, ужъ если мѣрять социализмъ души писательской благосостояніемъ, такъ теперь куда завиднѣе оно у г. Серафимовича, свободно поющаго, вопіющаго и глаголющаго! Мнѣ ни писать, ни издаваться негдѣ. Если бы мной руководило благополучіе и личныя выгоды, о которыхъ дѣлается указаніе въ „Каплѣ“, то конечно поторопился бы сѣсть рядомъ съ г. Серафимовичемъ и капать и капать. И свобода слова, и почетъ и восхищеніе „товарищей“ передъ „чистотой и неподкупностью души“, ея кристалличностью. Да и гонорарій, вѣроятно, вполне приличнѣе положенію въ обществѣ.

Теперь сами рѣшайте,—буржуй я или не буржуй...

Такъ вотъ относительно моей „буржуиности“. Теперь условимся, что будемъ разумѣть подъ понятіемъ о врагахъ народа.

III

Врагъ народа, конечно, не тотъ, кто думаетъ не такъ, какъ думаетъ большинство, а тотъ, кто желаетъ не добра, а зла народу во имя ли собственныхъ выгодъ или какихъ-либо другихъ побужденій. И не только желаетъ, а дѣлаетъ

зло и вредъ народу, какъ цѣлому организму, родинѣ, отчизнѣ, своему государству. Можетъ ли явиться желаніе дѣлать зло и вредъ своему народу у той интеллигенціи, которая всю жизнь отдавала борьбѣ за народное освобожденіе, которая во имя блага для своего народа и родины шла на страданія, въ тюрьмы, на висѣлицы, умирала въ рудникахъ каторги? Во имя чего же эта интеллигенція шла на пропятіе, какъ не во имя любви къ своему народу? А вѣдь именно изъ такихъ борцовъ въ большинствѣ состоятъ тѣ социалисты, которые объявляются нынѣ „врагами народа“ за то, что не примкнули къ побѣдителямъ историческаго момента, коммунистамъ!.. Очевидно, весь вопросъ сводится къ тому, что обѣ стороны любятъ съ одинаковой страстностью самую идею социализма, но расходятся лишь въ путяхъ достиженія. Побѣдители убѣждены, что только ихъ путь, ихъ методы и средства дадутъ благо трудящимся массамъ народа. Ихъ противники, социалисты другихъ партій, такъ же твердо увѣрены, что путь побѣдителей въ конечномъ результатѣ погубитъ революцію и вмѣсто блага принесетъ непоправимое зло политическое и экономическое. Въ вихрѣ страстей противники забываютъ, что только исторія покажетъ народу, на чьей сторонѣ была правда и кто изъ нихъ творилъ добро, а кто—зло для народа. Не слѣдуетъ забывать, что исторія не утверждаетъ непремѣнной правоты за „большинствомъ“.

Коперникъ, сдѣлавшій великое открытіе въ наукѣ, былъ одинокъ и погибъ на кострѣ. Въ средніе вѣка народъ вѣрилъ въ существованіе среди людей вѣдьмъ и ихъ жгли на кострахъ во славу Божію. Докторъ Штокманъ въ пьесѣ Ибсена того же названія былъ тоже объявленъ „врагомъ народа“, а между тѣмъ именно онъ желалъ и правильно понималъ благо народа. Наконецъ, сами побѣдители постоянно ссылаются на правоту „меньшинства“ въ современной европейской социаль-демократіи. И еще не надо забывать, что народъ въ массахъ, особенно у насъ, плохо разбирается въ благѣ социальныхъ достижений, смѣшивая съ нимъ благо личное, временное, калужееся.

Отсюда прямой выводъ. Можно признавать идею большевизма самой высокой возвышенной и прекрасной въ своемъ содержаніи, какъ имѣющей цѣлью дать народу наибольшее количество благъ и всякаго добра, но можно все-таки не пойти за большевиками, если ты убѣжденъ, что желаніе это—одно, а возможность—другое, и если твои знанія, опытъ, убѣжденія говорятъ тебѣ, что и, при желаніи добра, можно сдѣлать зло народу. Вѣдь Крыловскій „Мед-

вѣдь“, охранявшій самъ пустынноика отъ мухъ, несомнѣнно желалъ только одного добра своему спутнику!.. Представьте себѣ такую картину. Медвѣдь взялъ булжжикъ и намѣревается пустить его въ муху, которая сидитъ на лбу спящаго пустынноика. Въ этотъ моментъ вы вышли на поляну и быстрымъ движеніемъ оттолкнули медвѣжью лапу. Муха осталась жива и стала снова наоѣдать медвѣдю. Тогда пустынноикъ, со сна, не разобравъ хорошенъко дѣла, набросился на васъ и объявилъ васъ своимъ врагомъ на томъ основаніи, что медвѣдь желалъ ему добра, намѣреваясь убить муху, а вы помогли мухѣ улетѣть и снова наоѣдать и кусать пустынноика. И въ жизни и въ исторіи такіе случаи бывають. Вспоминается мнѣ одинъ интересный эпизодъ изъ собственной жизни. Послѣ перваго тюремнаго заключенія въ Нижнемъ-Новгородѣ я попалъ на жительство въ г. Астрахань и здѣсь засталъ сосланнаго Николая Гавриловича Чернышевскаго. Я работалъ въ мѣстной газетѣ и въ ея редакцію часто заходилъ покойный Н. Г. Чернышевскій. Конечно, молодежь осаждала знаменитаго изгнанника вопросами: „Что дѣлать?“, полагая по молодости, что авторъ романа того же названія, несомнѣнно, долженъ знать настоящій правильный путь для революціонной интеллигенціи. Дѣло было въ концѣ 80-хъ годовъ, когда уже интеллигенція стояла на поворотѣ отъ народничества къ марксизму, а молодежь металась въ поискахъ истины и не могла еще отойти отъ поверженныхъ кумировъ. Конечно, и я съ трепетомъ заговорилъ о томъ, какъ и что дѣлать для блага любимаго народа? И вотъ, Н. Г., посмотрѣвъ черезъ очки, отвѣтилъ мнѣ притчей изъ своей жизни, какъ онъ вообще любилъ разговаривать съ молодежью.

— Былъ я молодъ и вотъ такъ же, какъ вы любилъ народъ и жаждалъ творить для него благо. Жилъ я въ Петербургѣ на пятомъ этажѣ. Вотъ лѣзу однажды по крутой лѣстницѣ на свою голубятню и вижу: идетъ впереди меня мужикъ и несетъ на спинѣ охапку дровъ. Вижу къ намъ лѣзетъ, насъ согрѣтъ хочеть. А ноша тяжелая, а главное расплзается и того гляди дрова развалятся. Жалко мнѣ мужика: и тяжело ему, и дрова могутъ разсыпаться! Вотъ я, сочувствуя ему и желая помочь, подошелъ сзади и сталъ поправлять вязанку. А дрова-то вдругъ и разсыпались!.. Да, разсыпались. И ругалъ же меня, молодой человекъ, мужикъ этотъ!.. Скверными словами ругалъ...

Хотѣлось молодому Чернышевскому добро мужику сдѣлать, а въ результатѣ зло вышло!

Такъ вотъ не тотъ „другъ народа“, который добро ду-

маетъ сдѣлать, а дѣлаетъ зло, а тотъ, что думаетъ дѣлать добро и добро получается. И не тотъ „врагъ народа“, кто думаетъ и дѣлаетъ добро по своему разумѣнію и совѣсти, а тотъ, кто-либо дѣлаетъ завѣдомо зло, либо обманываетъ народъ посулами, которыхъ исполнить не можетъ, либо, заблуждаясь самъ, тянетъ за собою и народъ къ такимъ ошибкамъ, въ результатъ которыхъ для трудящагося народа будетъ горше прежняго. А рѣшить, на чьей сторонѣ истина и правда, у кого — путь правильный, одной вѣрой и желаніемъ нельзя. Не тотъ твой врагъ, кто тебѣ говоритъ горькую правду, а тотъ, кто эту правду отъ тебя скрываетъ и говоритъ тебѣ однѣ пріятныя и льстивыя слова!

И не темному народу рѣшать, кто правъ, потому что даже долго и много учившіе и много знающіе люди запутались въ хаосъ современной жизни. Безъ большого знанія можно друзей принять за враговъ, а враговъ за друзей. Когда взрослый человекъ, отецъ напимѣръ, лишаетъ ребенка для его же собственнаго здоровья незрѣлаго яблока, ребенокъ несомнѣнно считаетъ отца злымъ и недоброжелательнымъ, врагомъ своимъ, но на дѣлѣ врагомъ будетъ тотъ ребенокъ, кто накормитъ его незрѣлымъ яблокомъ...

IV.

И такъ я — социалистъ по убѣжденіямъ, не буржуй и не врагъ народа. И все-таки я — не большевикъ. Мои знанія и мое, основанное на изученіи исторіи, политическихъ и экономическихъ наукъ, убѣжденіе заключается въ томъ, что социализма нельзя „устроить“, какъ нельзя было повалить деспотизмъ, пока не назрѣлъ историческій, политическій, экономической и психологической моментъ. Мы можемъ лишь помогать историческому процессу созрѣванія момента и сообразно съ этимъ дѣйствовать. Социалистическое государство, окруженное со всѣхъ сторонъ буржуазно-капиталистическими — абсурдъ, утопія, ибо теперь всѣ государства такъ тѣсно спутаны между собою экономическими, политическими и финансовыми путями, что единое социалистическое посреди многихъ капиталистическихъ будетъ моментально сожрано и проглочено послѣдними. Затѣмъ, устроить социалистическое государство у насъ въ царствѣ съ 25% грамотныхъ, съ ничтожнымъ еще развитіемъ капитализма, съ унаслѣдованными отъ многовѣковаго рабства особенностями національной и социальной психики народа — это значитъ совершить чудо, а чудесъ, нынѣ, не бываетъ и исторія свершается по неумолимымъ законамъ исторической необходимости и исторической логики. Устраивать

же еще этотъ социализмъ въ моментъ особеннаго экономического развала, вызваннаго войной — утопія сугубая и страшно вредная для родины, а потому и для народа въ его цѣломъ, т.-е. и для самого трудового пролетаріата и крестьянства...

Я былъ глубоко убѣжденъ, что всѣ эти опыты послужатъ на пользу лишь германскому капитализму и во вредъ моей родинѣ и моему народу, которымъ я желалъ всегда и желаю теперь только пользы и добра. При такихъ условіяхъ я по долгу гражданина, по долгу совѣсти не могу пойти на службу тому гѣлу, въ которое не вѣрю и которое считаю вреднымъ для народа и его трудящихся классовъ, а по долгу писательской совѣсти обязанъ говорить объ этомъ прямо и откровенно. И сейчасъ я не вижу, что бы я ошибался, а совершенно напротивъ: каждый новый день меня лишь сильнѣе утверждаетъ въ томъ, что я стою на истинной дорогѣ. Если побѣдитъ Германія, — побѣдитъ всемірный империализмъ, непоправимый ударъ получатъ демократіи всего міра, а наша революція кончится трагически для всего народа. И поэтому единственно правильнымъ я считалъ необходимость пораженія Вильгельма, а не Россіи и потому признавалъ союзъ ея съ демократическими государствами ея спасеніемъ отъ разрома, считалъ „оборону“ страны — самымъ важнымъ дѣломъ, болѣе важнымъ, чѣмъ даже революція. Что бы спасти революцію надо прежде всего спасти государство, ибо революція, какъ говорится, дѣло наживное, а родина разрушится, негдѣ будетъ дѣлать и революцію съ республикой. И потому же единственно правильной позиціей я считалъ и продолжаю считать объединеніе всего народа, безъ различія классовъ, для общаго самаго важнаго дѣла — спасенія страны и родины отъ разрома. Гражданскую войну въ такое время, какъ переживаемое я считаю преступленіемъ противъ родины: бить своихъ, разрушать свои города, взрывать мосты, уничтожать разные запасы, сражаясь между собою, — это значитъ помогать нѣмецкимъ империалистамъ громить нашу родину и нашъ народъ... Что бы понимать это достаточно одного только здраваго смысла! И всегда призывалъ и призываю теперь съ бѣ стороны — опомнитъся, временно, хотя примириться и встать рядомъ для защиты общей родины и всего народа отъ общаго всѣмъ и главнаго теперь европейскаго жандарма — Вильгельма Кроваваго!

Евгеній Чириковъ.